

с) Необходимость – случайность

Ни Аристотель, ни Кант не вывели своих категорий и не доказали, что, кроме приведенных ими, нет и не может быть других; они создавали, напротив, недостаточность и неполноту своих таблиц и старались дополнить их другими, второстепенными категориями. Фихте пытался вывести их из чистой самодеятельности мышления, но не успел по причине односторонней субъективности своей системы. Гегель первый совершил это великое дело в своей «Логике» и возвратил категориям их объективное достоинство, так что они снова получили значение *объективных определений*, определений объективной истины. Здесь не место распространяться об этом предмете, которому мы намерены посвятить особенную статью. Теперь же ограничимся приведением слов Байргофера, одного из замечательнейших последователей Гегеля. Разбирая некоторые категории, он говорит: «Если они не более как *отвлечения* (Abstractionen), то не должно забывать, что в них заключается движение и жизнь мира; на эти *всеобщности* (Allgemeinheiten) не должно смотреть с презрением, потому что мир управляется всеобщностью мысли; бытие, мышление, субстанциональность, субъективность, свобода, необходимость и т. д. суть не более как простые категории, отвлеченные всеобщности; но эти всеобщности все двигают и животворят». Мы видели выше, что даже в чувственном созерцании и восприятии (Wahrnehmung) предметов уже присутствует бессознательная деятельность мысли и употребляются категории *качества, количества, отношения* и проч. категории, составляющие сущность созерцаемых и принимаемых предметов; точно так же и всякий закон есть относительно-всеобщая мысль, определенное отношение известных категорий; например, в законе падения тел «Пространства возрастают, как квадраты времен» соединены мысли или категории *пространства, возвращения, отношения, квадрата и тела*, так же как в законе прогрессивного исторического развития «Последующая степень развития есть результат всех предыдущих» заключены категории *развития, степени* и проч.; одним словом, определенные мысли суть плоды эмпирического исследования и составляют существенное содержание всякого эмпирического знания; ни одна эмпирическая наука не ограничивается знанием фактов, но всякая стремится к познанию законов, так что факты не составляют и не могут составить ее содержания, но служат исходным пунктом для отыскания мыслей, категорий, пребывающих в них. Но эти *категории* не имеют самостоятельного значения в эмпиризме, они не познаются в нем как чистые, независимые мысли, имеющие самостоятельное, конкретное содержание; они происходят через отвлечение от определенного круга опытного наблюдения, и вследствие этого они не более как *отвлеченности*, получающие конкретное содержание от эмпирического источника своего, от фактов, и значительные единственно только в отношении к этим фактам; а потому они и не могут совокупиться в одно разумное, независимое и само из себя развивающееся единство и не составляют органических и необходимых членов одной высшей, самой из себя развивающейся мысли, но пребывают друг подле друга равнодушно, не во внутреннем, но совершенно внешнем, собирательном единстве и связаны только общим источником своим – действительным миром. Мы знаем, что они все пребывают в одном действительном мире, но не видим и не понимаем их внутренней связи; вследствие этого эмпирическое сознание ограничивается только их внешнею классификацией, так что закон электричества находится в нем *подле* закона света, *подле* закона исторического развития, *подле* закона логического познания и так далее. Поэтому оно никогда не может быть уверено в том, что оно обнимает *все* законы действительного мира без исключения. Такая уверенность возможна только тогда, когда все законы поняты как *чистые мысли*, необходимо развивающиеся из одной единой и всеобщей мысли, так что число и отношение их определилось бы необходимостью самого развития.

Но эти законы, с одной стороны, суть *объективные* мысли, объективные потому, что они – не произвольное произведение познающего человека, но мысли, действительно пребывающие в действительном мире; они не выдуманы человеком, но найдены им в действительно существующих фактах; с другой же стороны, они – *субъективные* мысли, потому что в противном случае человек, познающий субъективный дух, не мог бы понимать и *усваивать* их; понять предмет – значит найти в нем самого себя, определение своего собственного духа, и если б закон, найденный мною в действительности, был только объективною, но не субъективною мыслью, тогда бы остался он недоступным для моего разума; поэтому единичный факт, оставаясь только единичным, не может быть предметом моего познания, не может быть проникнут мною; как единичный он всегда останется чуждым и внешним для меня предметом, и если я хочу уничтожить эту внешность, если я хочу найти себя в нем и понять его, то я должен отыскать в нем всеобщее, мысль, которая была бы, с одной стороны, объективною мыс-